

Лу Тяо помнил, как в детстве очень привязывался к Янь Чуньхуа. Однажды они вместе ездили в деревню Уцунь. Тогда уже прошло два года после катастрофы. Конкретных деталей он не помнил, но впечатление от того места осталось хорошее. Кажется, он даже завел там несколько друзей. Однако позже он уехал учиться за границу и постепенно забыл об этом.

Лу Тяо догадывался, что мама хотела, чтобы он и Лу Цзяньдэ немного побыли врозь и остыли, поэтому и взяла его с собой в деревню Уцунь. Ему было все равно — провести несколько дней там, как на отдыхе, — это даже неплохо.

Изначально он так думал, но когда после самолета пришлось сменить два автобуса, а затем Янь Чуньхуа заставила его забраться на телегу, запряженную быком, он был в шоке.

Лу Тяо посмотрел на пыльную деревянную телегу, затем на свою одежду от Барберри, сморщил лицо, и его одолел приступ брезгливости. Он потянул за рукав Янь Чуньхуа и мягко сказал:

— Мама, я не поеду... Оставь меня в городке, я сам справлюсь!

Янь Чуньхуа ничего не ответила, лишь обернулась и спокойно улыбнулась. Лу Тяо почувствовал холодок на шее, ощутив безмолвную угрозу. Он понял, что спорить бесполезно. Его мама была из тех, кто обычно выглядит добродушным, но если уж решит что-то, то окажется упрямее его и отца вместе взятых. Лу Тяо не осмелился злить мать и, неохотно забравшись на телегу, подложил под себя несколько салфеток и съежился в углу, обхватив ноги.

Всю дорогу его трясло так, что хотелось вырвать. Если бы не толстая попа, он бы наверняка покрылся синяками. Когда они наконец добрались до деревни Уцунь, он с трудом слез с телеги, ноги подкашивались, голова кружилась, и он чувствовал себя полностью разбитым. Лу Тяо потянулся за чемоданом, как вдруг бык, который до этого лениво махал хвостом, напряг мышцы и выпустил длинную, витиеватую порцию газа.

Нос Лу Тяо окружил невыносимый запах. Он широко раскрыл глаза, полный недоверия, и подпрыгнул на месте, как взъерошенный кот.

— Ух... — Его чуть не вывернуло от вони, и он тут же начал рвать, одновременно жалуясь Янь Чуньхуа. — Мама, он пукнул на меня!

А бык, словно ничего не случилось, фыркнул в его сторону. Янь Чуньхуа и ее ученики смеялись до боли в животе, а Лу Тяо один стоял, покрасневший от злости, сжав кулаки и чувствуя себя глубоко обиженным. Ну как так можно, это вообще нормально? Разве это родная мать?..

Лу Тяо тащил чемодан, идя за группой по деревне. Грунтовая дорога была ухабистой, и колеса чемодана уже почти стерлись.

Янь Чуньхуа сказала ему, что нужно нести чемодан, иначе колеса сломаются. Лу Тяо все еще помнил, как мама смеялась над ним громче всех, и, обидевшись, пробормотал:

— У меня есть деньги, сломается — куплю новый!

Едва он это произнес, как откуда ни возьмись появился камень, который застрял в колесе чемодана, и его новый чемодан застрял на грунтовой дороге.

Когда он покупал этот чемодан, продавец уверял, что он подходит для любой местности, даже

для лестниц. Лу Тяо не верил, что простая грунтовая дорога остановит его.

Янь Чуньхуа протянула руку, чтобы помочь ему поднять чемодан, но он, упрямый, отказался:

— Мама, не надо, я сам справлюсь!

Лу Тяо изо всех сил потянул чемодан вперед, и раздался треск — колесо оторвалось, окончательно отделившись от чемодана.

Лу Тяо не ожидал, что его слова окажутся такими пророческими. Он присел перед сломанным чемоданом, с гримасой на лице:

— Как так получилось, что ты сломался? Я же просто так сказал... Ладно, ты еще на гарантии, вернемся — починим.

Янь Чуньхуа, стоя рядом, услышала бормотание сына, но не решилась сказать ему, что он пробудет здесь три месяца...

Вскоре группа добралась до въезда в деревню. Янь Чуньхуа и ее ученики, привыкшие к полевым исследованиям, прошли полчаса по грунтовой дороге, не запыхавшись.

Лу Тяо же, не привыкший к жаре и недостаточно тренированный, уже был весь в поту, лицо покраснело, а зеленые волосы, слипшиеся от пота, свисали на лоб, придавая ему жалкий вид.

Левая нога болела, и он подозревал, что на подошве появился волдырь. Нахмурившись, он чувствовал себя очень недовольным. В этот момент он немного завидовал Лу Цзяньдэ, который остался дома писать отчет по книге «Семейное воспитание»...

Лу Тяо тащил свой сломанный чемодан, время от времени поднимая левую ногу, чтобы дать ей отдохнуть. В это время мимо пробежали несколько детей, играющих и шумящих. Дети, шаловливые, носились вокруг группы, словно это были столбики, оббегая их со всех сторон.

Самый озорной из них, маленький лысый мальчик, подбежал к Лу Тяо и, используя его как щит, схватил его белую футболку от Барберри, оставив на ней два ужасных черных отпечатка ладоней.

Лу Тяо уставился на эти «граффити» на своей одежде, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом. Он не мог вымолвить ни слова.

Боже, как можно быть таким грязным?!

Когда он опомнился, мальчик уже убежал, строя ему рожицу и указывая на его голову, крича:

— Зеленоволосый петух! Кукареку!

Это был первый раз в жизни, когда Лу Тяо стал объектом насмешек, да еще и со стороны маленького лысого ребенка. Он моментально разозлился, бросил свой сломанный чемодан и, несмотря на волдырь на ноге, бросился за ним:

— Мелкий засранец, стой!

Лу Тяо, будучи высоким парнем ростом 178 см, даже с волдырем на ноге, бежал быстрее, чем лысый мальчик. Он догнал его за несколько шагов, схватил за воротник и заставил извиниться.

Мальчик, размахивая руками, как цыпленок, закричал:

— Отпусти меня! Брат! Помоги! Брат!

Лу Тяо фыркнул:

— Еще зовешь подмогу? Малыш, ты понял, что сделал? Быстро извинись!

Мальчик попытался вырваться, но, поняв, что это бесполезно, посмотрел на Лу Тяо большими глазами и сказал:

— Братик, прости...

— Вот так-то лучше! — Лу Тяо скривился, собираясь сказать мальчику, чтобы тот пошел и вымыл руки, но тот, воспользовавшись моментом, выскользнул из его рук.

Лу Тяо закричал от злости, но мальчик, наученный горьким опытом, стал водить его по деревне, используя знание местности. Лу Тяо, запыхавшись, не мог его поймать, и, указывая на мальчика, закричал:

— Ты... ты... подожди...

Сказав это, он закрыл глаза, собрал силы и рванул вперед. Неожиданно он врезался в чью-то крепкую грудь, и в нос ударил свежий аромат.

— Всё в порядке?

Хо Сяньюй поддержал этого парня с потным лицом. Он не рассердился на его неосторожность, а с заботой спросил.

На его привлекательном лице, который явно не выглядел местным, густые брови слегка нахмурились, а яркие глаза внимательно смотрели на Лу Тяо.

Сердце Лу Тяо дрогнуло, и он забыл ответить. Он лишь подумал, что глаза у этого человека такие яркие, словно звезды на небе.

Когда подошла Янь Чуньхуа и остальные, Лу Тяо, словно обжегшись, отпрыгнул от груди Хо Сяньюя. Его лицо, то ли от бега, то ли по другой причине, покраснело до предела.

— Тяотяо, чемодан забыл, бегаешь так быстро, не жарко? — Янь Чуньхуа слегка отчитала его, а затем кивнула Хо Сяньюю с улыбкой.

— Учительница Янь, давно не виделись! — Хо Сяньюй с волнением поздоровался с Янь Чуньхуа.

Учительница Янь? Значит, этот человек знаком с его мамой?

Лу Тяо украдкой наблюдал, невольно притягиваясь к этим глазам, которые сияли, словно светились.

Янь Чуньхуа представила его этому человеку. Оказалось, что он брат лысого мальчика, зовут его Хо Сяньюй, он учится в университете в Пекине, а лысого мальчика зовут Хо Сяньян, они оба из деревни Уцунь.

Лысого мальчика брат заставил извиниться, и Лу Тяо больше не стал придирается. Ему

показалось забавным, как мальчик, скрипя сердцем, подчинился, и он решил немного подразнить Хо Сяньяна.

Янь Чуньхуа шла рядом с Хо Сяньюем, глядя на своего глупого сына, и невольно вздохнула:

— Тяотяо не злой, просто не привык к трудностям. Я оставляю его здесь на некоторое время, чтобы он закалился. Не стесняйся его использовать, и если он будет капризничать, будь строг, не жалея его!

<http://bllate.org/book/16892/1566116>